Леушкина Арина Олеговна, Магистрант
Российский Государственный Университет правосудия
имени В.М. Лебедева

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассматриваются основополагающие принципы международного гражданского процесса, регулирующие рассмотрение и разрешение гражданских споров с участием иностранных лиц. В статье анализируется взаимодействие национальных правовых систем с международно-правовыми нормами, а также исследуется значение данных принципов для обеспечения справедливого и эффективного судебного разбирательства.

Ключевые слова: Международный гражданский процесс, правосудие, международная подсудность, международное судебное сотрудничество.

Международный гражданский процесс (МГП) – это совокупность процессуальных норм, регулирующих процедуру рассмотрения гражданско-правовых споров, связанных с правопорядком двух и более государств.

В теории права существует точка зрения, согласно которой международное гражданское процессуальное право является частью публичного права. В частности, это обосновывается тем, что процессуальное право непосредственно связано с реализацией принципов государственного суверенитета и соответственно находится именно в области публичных отношений. При этом, если рассматривать гражданский процесс, то он не всегда характеризуется принципами подчинения участников гражданского процесса государству в виде органов судебной власти. Общие методы регулирования, характерные для частного права, в том числе реализуются в рамках принципов гражданского процесса и предусматривают возможность сторон спора выступать в судебном процессе от своего имени, заключать мировые соглашения, отказываться от заявленных требований и др.

Помимо этого, если рассматривать гражданский процесс через частные отношения, то они непосредственно направлены на защиту прав и законных интересов участников гражданских отношений с использованием публичных правовых средств в виде привлечения органов судебной власти. Соответственно, можно говорить о том, что гражданский процесс находится на стыке частного и публичного права, что в частности относится и к международному гражданскому процессу, характерная особенность которого состоит в том, что в нем участвуют иностранные лица [12].

Базовыми началами, которые определяют регулирование процессуальных отношений трансграничного характера, служат принципы международного гражданского процесса; цивилистическое судопроизводство опирается прежде всего на такие начала, как законность, диспозитивность, состязательность, установление материальной (судебной) истины, обеспеченность права на судебную защиту, реальная эффективность средств правовой защиты, независимый и беспристрастный суд, равенство процессуальных возможностей спорящих сторон, гласность и устность процесса, а равно его непрерывность и непосредственность; ст. 398 ГПК РФ позволяет заключить, что все основополагающие принципы, которые закреплены нормами российского гражданского процессуального права, охватывают своим действием и производство по делам, где присутствует иностранный элемент; публично-правовая природа, свойственная международному гражданскому процессу как таковому, обусловливает и то, что к нему применимы принципы международного публичного права – всеобщее уважение прав человека и его основных свобод, добросовестное выполнение государством взятых на себя международных обязательств, суверенное равенство государств, равно как и судебный иммунитет государства наряду с иммунитетом его дипломатических и консульских представителей.

Под общими началами международного гражданского процесса понимаются принципы внутригосударственного гражданского судопроизводства, которые произрастают из общих принципов права и потому обнаруживают сходство в подавляющем большинстве правовых систем мира. Сами основы отправления правосудия сохраняют универсальный характер независимо от того, разворачивается ли процесс в сугубо внутреннем или же в «трансграничном» измерении. Вместе с тем применительно к МГП правомерно обособить несколько принципов, обладающих повышенной значимостью, что объясняется связанностью спора с иностранным правопорядком и потребностью в особых подходах при разрешении дел подобного рода. Фундамент МГП образуют поддержание равновесия между частным и публичным интересами (где учитывается наличие иностранного элемента), независимость судебной системы и выносимых ею решений от внешнеполитического курса государства, а также согласованность национальных процессуальных предписаний с нормами международного публичного права [17].

Рассматриваемые принципы гражданского процесса должны реализовываться вне зависимости от того, являются ли участниками гражданских правоотношений только представители государства или иностранные лица. Однако если рассматривать нормы международного гражданского процесса, то фактор участия иностранного лица в споре имеет определяющее значение, поскольку изначально иностранный субъект находится в более уязвимом положении в сравнении с национальными участниками судопроизводства. Несмотря на то что некоторые принципы имеют общий характер, в случае участия иностранного лица они имеют свою специфику применения, например, если анализировать принцип состязательности, то иностранное лицо должно быть надлежащим образом уведомлено о предстоящем судебном делопроизводстве с возможностью предоставить свои объяснения в качестве участника спора [9].

Помимо этого, если рассматривать принцип судейского руководства, то он предполагает, что судья при решении споров должен обладать большей дискрецией, предполагающей порядок и возможности применения иностранного права с учетом особенностей той правовой системы, в которой он действует, и порядок истребования доказательств из иностранного государства [18].

Изучение международного гражданского процесса показывает, что ему присущ самостоятельный комплекс специальных начал, которые не свойственны гражданскому судопроизводству как таковому и порождаются присутствием в споре иностранного элемента. Примечательно, что эти начала во многом совпадают с принципами, закрепляемыми международным частным правом, – причиной тому служит их формулирование в одних и тех же международных договорах, а потому доктрина исследует их достаточно обстоятельно именно в рамках международного частного права. Вместе с тем ни природа, ни перечень таких принципов не обладают строгой определенностью: их число выводят путем толкования международных норм, а единого кодифицированного акта, который бы их закреплял, – в отличие от российского гражданского процессуального права – не существует [10].

Остановимся на характеристике отдельных из них. Принцип равенства судебных процессов государств, выступая отраслевым началом МГП, соотносится с императивными нормами международного права (jus cogens), а именно с суверенным равенством государств и их сотрудничеством. Он исходит из того, что процессуальные действия, которые совершил суд одной страны, повлекут юридические последствия и на территории другой. Назначение этого принципа состоит главным образом в том, чтобы усилить защиту прав иностранных лиц при рассмотрении гражданских дел. Нормы о равенстве судебных процессов и взаимности закрепляет целый ряд международных договоров – в частности, ст. 18 Нью-Йоркской конвенции о взыскании за границей алиментов (1956) и ст. 8 Брюссельской конвенции о некоторых правилах, относящихся к гражданской юрисдикции по вопросу о столкновении судов (1952). Российское же законодательство нормативного закрепления данного принципа не содержит.

Принцип недискриминации. Дискриминация – это нарушение или ограничение законных прав и интересов иностранных лиц на территории какого-либо государства. Принцип недискриминации означает, что лица какого-либо государства не могут быть поставлены в худшие условия, чем лица других государств. Каждое государство имеет право требовать от другого государства создания для его национальных лиц таких же условий, которыми пользуются лица других государств, т. е. общих и одинаковых для всех.

Оборотной стороной действия принципа недискриминации выступает установление для иностранных субъектов конкретных правовых режимов – национального, специального либо режима наиболее благоприятствуемой нации, при этом в сфере международного гражданского процесса в качестве общего правила действует именно национальный режим, предполагающий наделение иностранных лиц процессуальными правами и возложение на них процессуальных обязанностей в равном объеме с отечественными субъектами; во всех правопорядках за иностранными лицами признается право на обращение в национальные судебные органы с целью защиты нарушенных либо оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов, причем данное положение получило прямое нормативное закрепление, так, согласно ст. 2610 «Равное отношение» Гражданского кодекса Аргентины граждане и лица, имеющие постоянное место жительства за пределами Аргентины, обладают свободой доступа к правосудию для охраны принадлежащих им прав и интересов наравне с гражданами и лицами, постоянно проживающими на территории Аргентины, при этом принцип равного обращения в равной мере распространяется на юридические лица, учрежденные, управляемые или зарегистрированные в соответствии с законодательством иностранного государства, сходное предписание содержится в ст. 398 ГПК РФ и ст. 254 АПК РФ, нередко содержание принципа национального режима не ограничивается лишь формально-юридическим уравниванием иностранных и национальных лиц в объеме прав и обязанностей, а включает также наделение иностранных субъектов дополнительными специальными правами и преимуществами, не предоставляемыми местным гражданам и организациям [19].

Право на реторсии. Как мы отмечали ранее, под реторсией следует понимать правомерные ответные действия государства, направленные в отношении другого государства в целях установления определенных экономических или иных ограничений, в случае если на территории того государства совершались нарушения прав и законных интересов физических или юридических лиц, принадлежащих к первому государству. Реторсия предполагает, что действия направлены на установление определенных ограничительных мер в целях предотвращения дискриминации или введения необоснованных иных ограничительных действий со стороны другого государства, и предполагает восстановление принципа взаимности и справедливости при отношениях между государствами. Ярким примером реторсии являются определенные продовольственные ограничения, введенные в отношении Армении за факт несоблюдения требований международных соглашений с Российской Федерацией и ведения ею антироссийской политики за последние несколько лет. При этом согласно общим требованиям международного права реторсия должна вводиться в первую очередь пропорционально к тем действиям, которые совершаются в государстве, обеспечившем дискриминацию [13]. Реторсии иногда именуют «обратной взаимностью» [7].

В МГП имеют место «процессуальные» реторсии, т. е. потенциальное ограничение процессуальных прав иностранных лиц в ответ на дискриминационные меры аналогичного характера со стороны иностранного государства. В российском процессуальном законодательстве нормы о реторсиях закреплены в ч. 4 ст. 398 ГПК РФ, ч. 4 ст. 254 АПК РФ. Полномочиями по установлению реторсий наделено Правительство РФ. Возможность применения процессуальных реторсий установлена в законодательстве многих государств: «В отношении иностранных лиц, происходящих из государств, которые применяют особые ограничения в отношении процессуальных прав граждан и юридических лиц Азербайджанской Республики, Азербайджанской Республикой могут быть применены ответные ограничения» (ст. 440.3 ГПК Азербайджана (1999). В Китае правомочием на установление реторсий наделены не высшие органы исполнительной власти, а

непосредственно правоприменительные органы: «Если суды иностранного государства налагают ограничения на процессуальные права граждан, предприятий и юридических лиц Китайской Народной Республики, народные суды будут соблюдать принцип взаимности в отношении ограничения прав граждан, предприятий и организаций такой страны» (ст. 187 Закона о гражданской процедуре КНР (1991)).

Принцип контролируемой множественности судопроизводств состоит в необходимости согласованного взаимодействия судебных органов разных государств при одновременном существовании нескольких дел, возбужденных по тождественному спору между одними и теми же субъектами в различных юрисдикциях; во избежание дублирования разбирательств и наложения процессов друг на друга судам предписывается осуществлять взаимный информационный обмен, что выступает гарантией недопущения вынесения противоречащих параллельных решений и средством устранения коллизии юрисдикций. Принцип взаимности относится к числу наиболее древних обычаев международного права и заключается в наделении лиц иностранного государства конкретными правами либо предоставлении им определенного правового режима под условием, что лицам предоставляющего государства будет обеспечено пользование тождественными правами и аналогичным режимом на территории соответствующего иностранного государства, при этом первостепенным источником закрепления взаимности выступает внутригосударственное законодательство, так, к примеру, румынский законодатель на началах взаимности предусматривает освобождение иностранных документов от требования легализации, а иностранных субъектов, как физических, так и юридических лиц, – от обязанности внесения судебного залога (ст. 1084.2, 1085, 1093.3 ГПК Румынии 2010 г.).

В международном гражданском процессе действует принцип судебной взаимности, который проявляется в исполнении поручений иностранных судов, а также в признании и принудительном исполнении вынесенных за рубежом решений при отсутствии соответствующей договорной базы. По этой причине в доктрине сформировалось мнение о принципиальном отличии взаимности в сфере гражданского процесса от взаимности в международном частном праве, что дает основания выделять ее в качестве особого, автономного вида, присущего исключительно процессуальным отношениям [19].

Главное направление реализации данного принципа в МГП – оказание правовой помощи вне договорных механизмов. Судебные учреждения одного государства содействуют иностранным юрисдикциям на началах взаимности даже тогда, когда двустороннее или многостороннее соглашение отсутствует, но при этом поступит четко сформулированный запрос о поддержке.

Как правило, существование взаимного подхода в практике компетентных органов двух стран требует подтверждения. Для его констатации используются такие приемы:

– орган, применяющий право, фиксирует отсутствие со стороны другого государства каких-либо действий, которые можно было бы расценить как отказ от соблюдения взаимности;

– в акте национального правоприменительного органа приводится конкретный перечень мер, предпринятых иностранным государством и свидетельствующих о соблюдении им принципа взаимности по отношению к взаимодействующей стороне.

В 1998 г. высшая инстанция уругвайского суда общей юрисдикции вынесла судебный акт о признании и принудительном исполнении решения суда России. В постановлении суда подчеркивалось, что хотя между Россией и Уругваем отсутствует договор о правовой помощи, уругвайским официальным органам неизвестны случаи отказа со стороны России в оказании помощи уругвайским лицам. Суд Уругвая считает себя обязанным на основе взаимности рассмотреть вопрос о признании и принудительном исполнении решения российского суда [8].

Институт взаимности многогранен по своему содержанию. Так, возможность обращения к нормам зарубежного правопорядка может ставиться в зависимость от коллизионной взаимности, причем ее существование предполагается по умолчанию, что закреплено в ст. 1189 ГК РФ. В качестве предпосылки для взаимного признания и

принудительного исполнения актов иностранных судов взаимность фигурирует в ст. 1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В актах российских судов подчеркивается, что истоки принципа взаимности лежат в доктрине международной вежливости и он относится к числу общепризнанных начал международного права. Смысл данного начала сводится к встречному содействию государств в обеспечении прав и законных интересов частных субъектов, при этом положение таких субъектов способно устанавливаться как материальными нормами иного государства, так и вынесенным за рубежом судебным актом, что согласуется с гарантией, предусмотренной ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, о предоставлении каждому судебной защиты его прав и свобод.

В российской правоприменительной практике господствует устойчивый стереотип, что наличие процессуальной взаимности требуется доказать (в отличие от коллизионной взаимности, наличие которой презюмируется, если не доказано обратное). Так, Определением Арбитражного суда г. Москвы от 24.06.2019 было отказано в удовлетворении заявления АО «ПСЙ» (PSJ, a.s.) о признании и приведении в исполнение на территории РФ постановления краевого суда г. Брно (Чехия) KSBR 40 (26)INS17963/2018-A-35. Оставив данный судебный акт без изменения, суд кассационной инстанции, помимо прочего, отметил, что должник не представил доказательств соблюдения начал взаимности признания судебных актов о несостоятельности (банкротстве) на территории соответствующего иностранного государства.

Из-за такого подхода предоставление правовой помощи осложняется, а признание и исполнение судебных актов за рубежом сталкивается с препятствиями. Острее всего эта трудность ощущается там, где отсутствует разветвленная сеть соглашений о правовой помощи. Россия относится как раз к числу подобных стран, поскольку количество заключенных ею договоров такого рода остается довольно «скромным». Отечественные ученые выдвигают вполне обоснованную идею: процессуальную взаимность следует считать существующей по умолчанию, пока не будет доказано обратное, – по аналогии с тем, как решен вопрос коллизионной взаимности в ст. 1189 ГК РФ [16].

К числу древнейших институтов международного частного права принадлежит принцип международной вежливости (comitas gentium). Еще в XVII столетии именно он служил основанием и для обращения к иностранному праву, и для исполнения решений, вынесенных за границей. По своей природе международная вежливость – это международное обыкновение, то есть такая модель поведения, которой государства придерживаются, не рассматривая ее в качестве юридически обязательной нормы. Чаще всего к этому принципу обращаются суды государств общего права. В теории и практике этих правопорядков закрепилось понятие «судебная вежливость», под которым понимают почтительное отношение к зарубежным судебным органам, а значит, и готовность признавать и исполнять принятые ими акты [15].

В руководящем прецеденте по делу Hilton v. Guyot (1895), оказавшем огромное влияние на американскую доктрину и практику, судья Верховного суда США Грей заявил: «Принцип международной вежливости в юридическом смысле не является ни абсолютным обязательством государства, ни простым проявлением вежливости и доброй воли. Но это официальное признание, когда одно государство позволяет на своей территории законодательным, исполнительным или судебным актам другого государства иметь юридическую силу в отношении прав собственных граждан или других лиц, которые находятся под защита своих законов, с учетом как международного долга, так и удобства». Верховный суд США считает международную вежливость разновидностью несовершенного обязательства, связывающего суды разных государств. В современной судебной практике США подчеркивается, что вежливость – это, «скорее, волевое стремление, нежели твердое правило, скорее, вопрос благих намерений, нежели вопрос обязательства». Другие страны общего права придерживаются аналогичного подхода – Верховный суд Канады рассматривает вежливость как форму международного обязательства, обеспеченного «доверием и уважением» [21].

В деле Hilton v. Guyot установлено, что для признания иностранного судебного решения на основе международной вежливости требуется наличие взаимности. В американской литературе отмечается, что таким образом принципиальная структура международной вежливости «в некотором смысле омрачена введением непонятного критерия взаимности» [20]. Практика показывает, что, как правило, взаимность не является императивным условием для применения международной вежливости. Так, Апелляционный суд штата Нью-Йорк в решении по делу Johnston v. Compagnie Generale Transatlantique (1926) отметил, что вопрос признания и исполнения иностранных судебных решений является вопросом МЧП, а не международного публичного права, и вежливость – это не норма права, а правило, основанное на практике, удобстве и рациональности. Вежливость – это что-то большее, чем простая любезность, из которой следует уважение к мнению других, поскольку она имеет существенную ценность в обеспечении единообразия решений и не поощряет повторного судебного рассмотрения одного и того же вопроса.

Обычно-правовой принцип международной вежливости действует в современной правовой системе России. Это подтверждено высшими судебными инстанциями РФ: в постановлении Пленума ВАС РФ от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» зафиксировано, что направление судебного поручения возможно и на условиях международной вежливости в отсутствие международного договора об оказании правовой помощи.

Также следует отметить, что с точки зрения применения принципа международной вежливости наиболее распространенной формой является внедоговорная правовая помощь. В частности, по целому ряду правовых вопросов между государствами может отсутствовать международное соглашение, и в таком случае при направлении правового запроса одно государство рассчитывает на его выполнение на основе принципов взаимности и в порядке международной вежливости. Очевидно, если иностранные государства отказывают в правовой помощи без достаточных для этого оснований, в таком случае можно говорить о нарушении принципа международной вежливости, при этом факт его нарушения не должен являться основанием для применения каких-либо санкций, равно как и соблюдение принципа международной вежливости не может являться основанием для направления определенных правовых требований. Соответственно, взаимность тут реализуется исключительно на основе межгосударственного взаимодействия, когда каждое государство заинтересовано в сохранении своего партнера и возможности получения от него последующей правовой помощи.

По своей сути международная взаимность и международная вежливость не являются тождественными принципами, поскольку вежливость является обыкновением и не требует обязательного исполнения от каждого государства, напротив, это скорее рекомендательная форма взаимодействия государств друг с другом, что обеспечивает нормальное функционирование государственных и международных институтов.

Далее следует охарактеризовать принцип национального правопорядка, который предполагает, что оказание правовой помощи иностранному государству или содействие в исполнении иностранных поручений не может затрагивать или ущемлять основополагающие ценности национального государства и препятствовать интересам национальных лиц.

Защита национального правопорядка обеспечивается благодаря специфическому механизму, свойственному международному частному праву и международному гражданскому процессу, – так называемым защитным оговоркам. В их перечень входят запрет обхода закона, сверхимперативные нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке (ordre public). Примечательно, что как завершённая концепция доктрина публичного порядка сложилась сперва в сфере коллизионного регулирования, то есть внутри международного частного права, и только позднее проникла в международный гражданский процесс. Здесь оговорка о публичном порядке наполняется уже другим – процессуальным – содержанием: его смысл состоит в недопустимости того, чтобы предоставление

международной правовой помощи или признание и исполнение иностранных судебных актов приводили к последствиям, которые противоречат базовым устоям правопорядка государства, где рассматривается дело. Наглядным подтверждением служат соответствующие законодательные формулы. Так, статья 147 черногорского Закона о международном частном праве 2013 года устанавливает, что иностранное судебное решение не признаётся, если итоги подобного признания окажутся несовместимы с публичным порядком Черногории. В свою очередь, статья 743 французского Гражданского процессуального кодекса 1975 года обязывает суд отклонить исполнение судебного поручения, если такое исполнение способно нанести вред суверенитету либо безопасности Франции.

Сложности, сопровождающие использование оговорки о публичном порядке, проявляются идентично как в сфере международного гражданского процесса, так и в области международного частного права. Корень этих сложностей лежит в том, что сформулировать категорию «публичный порядок» с достаточной точностью и полнотой на практике не удается. В научной среде преобладает взгляд, согласно которому публичный порядок представляет собой определенный набор правовых, нравственных, экономических и политических начал, которые действуют в конкретном государстве. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся ясность правила об «ordre public», за ним скрывается серьезная угроза [11]. Чрезмерная размытость этого правила открывает дорогу судейскому усмотрению как раз в той сфере, где особенно нужны стабильность и определенность. Нейтрализовать негативный эффект данной оговорки способна лишь ее конкретизация. Однако раскрытие содержания публичного порядка отсутствует и в нормах внутреннего права, и в международно-правовых документах. Хоть сколько-нибудь четкие формулировки удается обнаружить исключительно в материалах судебной практики [14].

Под публичным порядком РФ следует понимать совокупность таких составляющих, как основополагающие принципы права, т. е. его основные начала, которые обладают универсальностью, высшей императивностью и особой общезначимостью, и только их нарушение может служить основанием для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда [2]. Это основы общественного строя Российского государства. В качестве составляющих публичного порядка могут быть признаны соблюдение законности при осуществлении правосудия, обязательность судебных актов российского суда, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, равенство участников, неприкосновенность собственности, свобода договора и пр [1].

Отказать в признании иностранного решения со ссылкой на несовместимость с публичным порядком РФ допустимо лишь тогда, когда его исполнение повлекло бы определенные последствия. К их числу относятся: совершение действий, напрямую запрещенных законодательством; причинение вреда безопасности либо суверенитету государства; ущемление интересов значительных по численности социальных групп; расхождение с теми началами, на которых выстроены правовая, политическая и экономическая системы страны; посягательство на закрепленные Конституцией свободы и права граждан; наконец, несоответствие базовым устоям гражданского законодательства – в частности, свободе договора, неприкосновенности собственности и равенству его участников [3]. При этом о нарушении публичного порядка речь идет не при любом конфликте иностранного решения с российскими нормами, пусть даже носящими императивный характер, а исключительно при его столкновении с фундаментальными, основополагающими началами отечественного права [4].

Изучение практики российских судов свидетельствует о том, что оговорка о публичном порядке в ее процессуальном аспекте используется применительно к актам иностранных судов, постановленным с отступлением от ключевых процессуальных начал – принципов добросовестности, справедливости и состязательности сторон, при этом в подобных ситуациях уместно констатировать противоречие таких «неправосудных» актов конституционным гарантиям права на судебную защиту, закрепленным в ч. 1 ст. 46

Конституции РФ, поскольку иностранное судебное решение неотделимо от требований процессуального публичного порядка и любое несоблюдение в ходе разбирательства его фундаментальных процедурных начал неизбежно обуславливает дефектность прав, возникших в результате такого процесса, вследствие чего судебный акт иностранного государства, принятый при игнорировании признаваемых в данном правопорядке существенными процессуальных гарантий, лишается способности порождать в его пределах какие-либо правовые последствия.

К примеру, Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 11 августа 2026 г. N 88-22599/2026 оставил без изменения определение Ступинского городского суда Московской области от 22 апреля 2026 года о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, указав, что исчерпывающий перечень оснований для отказа в выдаче исполнительного листа предусмотрен статьей 426 ГПК РФ, а суд первой инстанции не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу (часть 4 статьи 425 ГПК РФ); доводы кассационной жалобы о несогласии с решением третейского суда основанием для отмены обжалуемого определения являться не могут; доказательств наличия оснований для отказа, предусмотренных частью 3 статьи 426 ГПК РФ, заявителем не представлено; суд также сослался на правовые позиции Конституционного Суда РФ о том, что третейские суды не входят в российскую судебную систему и не осуществляют судебную власть, а принудительное исполнение их решений является задачей государственных судов, и на пункт 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 года N 53 о том, что суд по собственной инициативе не проверяет наличие и не применяет предусмотренные законом основания для отказа в выдаче исполнительного листа, если сторона на них не ссылается; кроме того, упомянуто, что приведение в исполнение решения третейского суда не должно противоречить публичному порядку Российской Федерации (часть 4 статьи 426 ГПК РФ) [5].

В рамках следующего решения, кассационный суд отменил определение Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30 июня 2026 г., которым было отказано в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, и направил дело на новое рассмотрение, указав, что суд первой инстанции, руководствуясь статьями 423, 426 ГПК РФ, нормами Федерального закона от 29 декабря 2015 г. N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», исходил из того, что рассмотрение вопроса о праве собственности на недвижимое имущество относится к исключительной компетенции государственных судов, а утверждение третейским судом мирового соглашения, по которому заемные обязательства прекращаются передачей недвижимого имущества, противоречит публичному порядку Российской Федерации; кроме того, суд счел нарушением процедуры, предусмотренной федеральным законом, то, что третейский судья имеет правила арбитража – Регламент третейского судьи для разрешения конкретного спора (арбитра), и при отсутствии полученного в законном порядке права на администрирование арбитража фактически оказывает услуги по администрированию арбитража, сославшись на пункт 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. N 53. Кассационный суд с таким разрешением вопроса не согласился, указав, что в силу части 4 статьи 425 ГПК РФ суд устанавливает наличие или отсутствие предусмотренных статьей 426 ГПК РФ оснований для отказа в выдаче исполнительного листа путем исследования представленных доказательств, но не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу; согласно части 4 статьи 426 ГПК РФ отказ возможен, если спор не может быть предметом третейского разбирательства либо приведение в исполнение решения третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации. Ссылаясь на правовые позиции Конституционного Суда РФ (постановление от 26 мая 2011 г. N 10-П и постановление от 3 октября 2023 г. N 46-П), кассационный суд отметил, что третейские суды не входят в российскую судебную систему и не осуществляют судебную власть, но

гражданско-правовые споры о правах на недвижимое имущество, включая обращение взыскания на заложенное имущество, допускаются к рассмотрению третейскими судами, а нарушение публичного порядка не может быть установлено ввиду лишь того обстоятельства, что гражданско-правовой спор обладает публичной значимостью; вывод о противоречии решения третейского суда публичному порядку должен быть мотивирован в определении государственного суда, который не вправе ограничиваться общим указанием на наличие такого нарушения; принцип добросовестности является одним из элементов публичного порядка Российской Федерации, а недобросовестность сторон, создание видимости частноправового спора, обход закона с целью получить формальные основания для регистрации прав на недвижимое имущество могут служить основанием для отказа, но лишь при условии исчерпывающего обоснования государственным судом вывода о такой недобросовестности. Кассационный суд указал, что суд первой инстанции фактически не установил, в чем именно состоит нарушение третейским решением или его исполнением публичного порядка Российской Федерации, чьи права и законные интересы нарушит переход права собственности, наличие иных кредиторов или претендентов на имущество не установил; кроме того, по основанию, предусмотренному пунктом 5 части 3 статьи 426 ГПК РФ, суд по собственной инициативе не вправе был применять данное основание, поскольку ни одна из сторон третейского разбирательства не ссылалась на несоответствие третейского судьи предъявляемым федеральным законом требованиям и не представила соответствующие доказательства, а в силу пункта 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. N 53 суд по собственной инициативе не проверяет наличие и не применяет предусмотренные данными нормами основания для отказа в выдаче исполнительного листа [6].

При этом следует отметить, что для применения оговорки о нарушении публичного порядка лицо должно предоставить неопровержимые доказательства нарушения публичного порядка и того, что иностранное судебное решение действительно затрагивает ключевые интересы. В таком случае проверка иностранного судебного решения должна в первую очередь характеризоваться анализом последствий принятого иностранным судом решения; в проверку не входят сам процессуальный порядок вынесения решения, не вызывается пересмотр дела по существу и тем более не инициируется новое судебное разбирательство. Напротив, если возникшие последствия действительно нарушают фундаментальные основы правовых взаимоотношений и решение иностранного суда напрямую нарушает основополагающие нормы международного права, то это будет являться основанием для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда со ссылкой на публичный порядок и указанием того, какие положения были нарушены.

Список литературы:

1. Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 3 августа 2016 г. по делу № А56-27115/2016. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=186104&ysclid=mwqbq02cin100647871#agudbbVCJ368bQHV (дата обращения: 21.11.2026).

2. Определение ВАС РФ от 26 июля 2012 г. № ВАС-6580/12 по делу № А40-119397/ 11-63-950. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=287335&ysclid=mwqbra91b4366767997#QCAebbVhwGUcn3SS (дата обращения: 21.11.2026).

3. Определение ВАС РФ от 6 декабря 2007 г. № 13452/07. – Текст: электронный // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/5577409/?ysclid=mwqbsfa9yb928448072 (дата обращения: 21.11.2026).

4. Постановление ФАС Московской области от 3 апреля 2003 г. по делу № КГ-А40/1672. – Текст: электронный // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/4074342/?ysclid=mwqbtxh8q6482620097 (дата обращения: 21.11.2026).

5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2026 № 88-22599/2026. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).

6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2026 № 88-16588/2026. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).

7. Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий) [Электронный ресурс]: дис.... д-ра юрид. наук. М., 2004.

8. Бачериков А. С. Принцип «компетенции компетенций» в международном гражданском процессе / А. С. Бачериков // Моя профессиональная карьера. – 2025. – Т. 1, № 72. – С. 273-279.

9. Бигуненко А. И. Эволюция принципа состязательности в российском гражданском процессе под влиянием международных правовых тенденций / А. И. Бигуненко // Россия в глобальном мировом интеграционном процессе: политико-правовой аспект: Сборник материалов Международной научной конференции, Сочи, 15–16 мая 2026 года. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2026. – С. 119-122.

10. Дробязкина И. В. Международный гражданский процесс: Проблемы и перспективы. М.: Издательство Асланова; Юридический центр Пресс, 2005

11. Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник. М.. 2015.

12. Лисица В. Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права: проблемы правоприменения в Российской правовой системе при рассмотрении гражданских дел / В. Н. Лисица // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 2. – С. 116-121.

13. Лихтарович А. Н. Закрепление принципов гражданского процесса в кодексе гражданского судопроизводства / А. Н. Лихтарович // Организационно-правовое обеспечение механизма хозяйствования в сфере агробизнеса: сборник научных статей XXI Международной научно-практической конференции студентов и учащихся, посвященной 30-летию подготовки юридических кадров для агропромышленного комплекса Республики Беларусь в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии: в двух частях, Горки, 21–24 мая 2024 года. Часть 1: История и право. – Горки: БГСХА, 2025. – С. 79-82.

14. Международное право в систематическом изложении / с доп. редактора и очерком частного международного права, составленным проф. бар. Б. Э. Нольде / под. ред. проф. В. Э. Грабаря. Юрьев: типография К. Матгисена, 1909.

15. Пирова, Р. Н. Принципы гражданского процесса в Российской Федерации: анализ и сравнение с международными стандартами / Р. Н. Пирова, Д. П. Поддубный, Б. М. Магомедов // Современная наука: дискуссии по достижениям и инновациям: Материалы VII всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Хасавюрт, 26 апреля 2025 года. – Махачкала: ООО «Издательство АЛЕФ», 2025. – С. 50-52.

16. Романова, О. Н. К вопросу о новеллах в правовом регулировании специальных принципов международного гражданского процесса / О. Н. Романова // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2025. – № 3. – С. 44-50.

17. Светланов А. Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции. М.: ТОН – Остожье, 2002. С. 5.

18. Шарапова Е. А. Принципы гражданского процесса: нормативный каркас правосудия по гражданским делам / Е. А. Шарапова // Право и суд в современном мире: сборник материалов XXIV Всероссийской студенческой научной конференции (к 25-летию Дальневосточного филиала РГУП имени В.М. Лебедева), Хабаровск, 22 апреля 2026 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2026. – С. 208-211.

19. Щукин А. И. Принципы осуществления правосудия по гражданским делам с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4.

20. Schultz T. K. P. & Ridi N. Comity: The American Development of a Transnational Concept // Yearbook of Private Internationa) Law. 2017. Vol. 18. P. 225.

21. William S. Dodge. International Comity in American Courts Columbia Law Review. 2015. Vol. 115. № 8. P. 2071–2141